

МИФОЛОГИЯ ВОЙНЫ

УДК 81`27

DOI:

ВОЙНА КАК МИФ: КОГНИТИВНАЯ МОДЕЛЬ «ТЕАТР ВОЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ» (НА ПРИМЕРЕ ПЕРИОДА РУССКО-ЯПОНСКОЙ ВОЙНЫ)

Пименова Марина Владимировна

Международный гуманитарный университет им. П.П. Семенова – Тянь-Шанского
(г. Санкт-Петербург, Россия).

Бодриков Алексей Борисович

Международный гуманитарный университет им. П.П. Семенова – Тянь-Шанского
(г. Санкт-Петербург, Россия)

Аннотация

Цель статьи – описать тенденции развития когнитивной модели «театр военных действий» в русской лингвокультуре в период 1904–1905 гг. Актуальность проведенного исследования заключается в описании стереотипов русской лингвокультуры, связанных с когнитивной моделью *театр военных действий*, в аспекте осмысления эволюции когнитивной модели от XIX вв. до начала XX в. Научная новизна исследования состоит в первом опыте обращения к теме когнитивной модели *театр военных действий* в период русско-японской войны в русской лингвокультуре во времена российской империи. Для описания изучаемой когнитивной модели в качестве источника языкового материала выступает Национальный корпус русского языка (www.ruscorpora.ru). Работа выполнена в рамках Санкт-Петербургско-Кемеровской школы концептуальных исследований. Основными в статье являются: описательный, концептуальный и интерпретативный методы исследования. Сценарий «театра военных действий» воспринимается как реализация последовательных событий. Военный сценарий театра на фронте предполагает дополнительные компоненты: 1. Взаимодействие руководства: военные советы; 2. Обмен информацией: сообщения читателям; 3. Медицинская составляющая: наличие врачей и медсестер, медицинского оборудования; 4. Идеологическая составляющая: патриотизм, появление партизан, героизм, религия, освещение событий в газетах, дезинформация, шпионство. Структура концепта *война*, характерная для XIX в., в начале XX в. меняет свою сценарную составляющую. Для этого сценария уже не актуальны такие признаки, как: ‘гвардия’, ‘мобилизация армии’, ‘ценз на возраст призывников’, ‘сражения’, ‘поражения’, ‘переговоры’, ‘разгром противника’, ‘пленение войск противника’, ‘захват столицы вражеского государства’, ‘штаб-квартира’, ‘размещение военного лагеря’. В начале XX века наблюдается переосмысление мифа о войне: война предстает перед взорами читателей в аспекте классики – как битва гладиаторов на арене Колизея. Зритель территориально отстранен от зоны боевых действий, он не вовлечен в события. Появляются новые смыслы войны, относящиеся к истории и культуре Древнего Рима.

Ключевые слова: когнитивные признаки, структура концепта, военные концепты, символический концепт, концептология, языковая картина мира, лингвокультурология

WAR AS A MYTH: THE THEATER OF WAR COGNITIVE MODEL (ON THE EXAMPLE OF THE PERIOD OF THE RUSSO-JAPANESE WAR)

Pimenova Marina Vladimirovna

Semenov – Tyan-Shansky International Humanitarian University
(St. Petersburg, Russia).

Bodrikov Alexey Borisovich

Semenov – Tyan-Shansky International Humanitarian University
(St. Petersburg, Russia).

Abstract

The purpose of the article is to describe the trends in the development of the cognitive model "theater of war" in Russian linguistic culture in the period 1904-1905th. The relevance of the study lies in the description of the stereotypes of Russian linguoculture associated with the cognitive model of the *theater of operations*, in the aspect of understanding the evolution of the cognitive model from the 19th century until the beginning of the twentieth century. The scientific novelty of the study consists in the first experience of addressing the theme of the cognitive model of the *theater of operations* during the Russian-Japanese war in Russian linguoculture during the Russian Empire. To describe the cognitive model under study, the National Corpus of the Russian Language (www.ruscorpora.ru) acts as a source of language material. The work was carried out within the framework of the St. Petersburg-Kemerovo School of Conceptual Research. The main ones in the article are: descriptive, conceptual and interpretive research methods. The "theater of war" scenario is perceived as the realization of successive events. The military scenario of the *theater of operations* assumes additional components: 1. Leadership interaction: military councils; 2. Exchange of information: messages to readers; 3. Medical component: availability of doctors and nurses, medical equipment; 4. Ideological component: patriotism, emergence of partisans, heroism, religion, newspaper coverage, disinformation, espionage. The structure of the *war* concept, characteristic of the 19th century, at the beginning of the 20th century changes its script. For this scenario, such signs as: 'guards', 'mobilization of the army', 'requirement for the age of conscripts', 'battles', 'defeats', 'negotiations', 'defeat of the enemy', 'capture of enemy troops', 'capture of the capital of an enemy state', 'headquarters', 'placement of a military camp'. At the beginning of the twentieth century, a rethinking of the myth of the war is observed: the war appears before the eyes of readers in the aspect of the classics - like a battle of gladiators in the arena of the Colosseum. The viewer is territorially removed from the combat zone, he is not involved in the events. New meanings of war appear, relating to the history and culture of Ancient Rome.

Key words: cognitive signs, concept structure, military concepts, symbolic concept, conceptology, language picture of the world, linguoculturology

Введение (Introduction)

В статье описывается заимствованное в русский язык выражение *театр военных действий*. Ведущим в исследовании термином выступает *когнитивная модель*. *Когнитивная модель* – это «стереотипный образ, с помощью которого организуется некоторый жизненный опыт. Такая модель определяет нашу концептуальную организацию опыта, оценку этого опыта, а также то, что мы хотим выразить» [Пименова 2001: 33]. Другое название когнитивной модели в терминологии современной лингвистики – *фрейм, сценарий, концептуальная схема* [Davidson 1973–1974: 5]. Когнитивная модель (фрейм) вбирает в себя некий комплекс ассоциаций, связанных со словом или сочетанием слов: «Фреймы (конкретные концептуальные структуры), сохраняющиеся в языковом фонде, берут свое начало в знании окружающего мира. Под фреймами понимается концептуальная структура, которая охватывает определенную лексическую

единицу как ассоциативный контекст или же при помощи которой она воспроизводится, причем сценарии имплицитно временной отрезок происходящего» [Пименов 2009: 57]. Совокупность некоторых взаимосвязанных признаков формирует сценарий: «Сценарий – это событие, разворачивающееся во времени и/ или пространстве, предполагающее наличие субъекта, объекта, цели, условий и причин возникновения, времени и места действия. Такое событие обусловлено причинами, послужившими его появлению» [Пименова 2003: 59].

В лингвистической литературе отмечены единичные работы, в которых изучаются сценарии концептов: *радость* [Пименова 2009: 68–80], *мечта* [Сергеев 2010], при этом совершенно отсутствуют работы, в которых была проанализирована когнитивная модель *театр военных действий*. Научная новизна исследования заключается в обращении к основным способам реализации когнитивной модели *театр военных действий* в русской лингвокультуре в начале XX в. – в 1904–1905 гг., когда шла русско-японская война. Именно в этот период наблюдается всплеск активного употребления соответствующего выражения для описания военных действий русской и японской армий.

На пересечении XX – XXI вв. в лингвокультурологии становится актуальным исследование символов, закрепленных за соответствующими когнитивными моделями, реализуемыми в языке в виде устойчивых сочетаний. В первую очередь, лингвокультурная символика закрепляется в языковой картине мира. «Языковая картина мира складывается в языке исторически; это совокупность представлений о мире, собираемых и хранимых в народном сознании веками; это способ организации действительности в сознании и языке» [Лучик 2019: 13]. Чтобы понять ментальность народа, необходимо обратиться к символам лингвокультуры; это помогает осознать закрепленные стереотипы восприятия и поведения людей. По словам В. В. Колесова, «ментальность есть средство национального самосознания и способ создания традиционной картины мира, коренящиеся в категориях и формах языка» [Колесов 1999: 148]. Язык транслирует культуру: культура отображается в формах и категориях родного языка (по В.В. Колесову), а это создаёт основы ментальности народа. «Существование человека в языке предполагает трёхмерность связей: отношение человека к знаку-слову (мы его называли символом), его отношение к идее-смыслу и его отношение к вещи и миру. Полнота восприятия предполагает все три источника в поступлении информации: и чувства, и разум, и волю» [Колесов 2001: 6].

Язык насыщен символикой, которая является родной, пустившей глубокие корни в лингвокультуре. Другая часть символики привнесена из других культур, является заимствованной, зачастую навязанной, отображающей иную ментальность. Цель статьи – определить основные символы синкретичной когнитивной модели *театр военных действий* в русской лингвокультуре, отделив то, что существует в ней искони, от того, что заимствовано из других лингвокультур.

Символы лингвокультуры отображают древние архетипы, которые уже не осознаются носителями языка. В контекстах такие архетипы вербализуются в виде стёртых метафор и скрытых, малопонятных символов. «Ментальные “архетипы” складываются исторически, идеал ментальности – не сиюминутная идея социального наполнения» [Колесов 1995: 14–15]. Изучение концептов в аспекте языка и культуры – перспектива исследований [Bartmiński 2006; Wierzbicka 2007], в

том числе с позиций изучения милитарных концептов [Бодриков 2018; Пименова, Бодриков 2019а; Пименова, Бодриков 2019б].

Объектом исследования данной статьи является синкретичная когнитивная модель «театр военных действий», состоящая из: 1. Символического концепта *война*, 2. Концепта *театр*, 3. Сценария спектакля («театральное действие»). Все три компонента воспринимаются синкретично, в изучаемой когнитивной модели они скрыты за соответствующими символами. Существованию этого сложного концептуального комплекса в языковой картине мира и лингвокультуре есть объяснение: Россия принимала участие во многих войнах, в которых воевала как на собственной территории, так и территориях другие стран. Однако образы *театра военных действий* не являются стереотипными для носителей русского языка, они выражают устойчивые инокультурные архетипы сознания.

Методы исследования (Methods)

Для определения когнитивных признаков когнитивной модели использовался комплекс методов: метод компонентного анализа слова, репрезентанта концепта, описательный метод, метод концептуального анализа, дескриптивный метод.

Литературный обзор (Literature Review)

В научной литературе отмечена одна статья, в которой описываются отдельные аспекты милитарных когнитивных моделей *власть – армия* и *власть армии* [Демидова, Бодриков 2022: 90–99]. Других подобных работ на похожую тему в научной литературе нет.

Результаты и обсуждение (Results and Discussions)

Русско-японская война охватывает период с 27 января (9 февраля) 1904 года по 23 августа (5 сентября) 1905 года. Конфликт происходил между Российской и Японской империями, цель войны – контроль Маньчжурии, Кореи и Жёлтого моря. Данный период выбран в качестве временного компонента исследования в связи с большим количеством языкового материала в НКРЯ, в котором активно реализуется когнитивная модель *театр военных действий*. Весь языковой материал указывает на далёкое расположение фронта от центра России, территориальную удаленность боевых действий от столицы (*Театр военных действий находится почти под рукой Японии и в громадном расстоянии от Европейской России, центра всех наших как военных, так и материальных сил*. С.Ю. Витте. Война с Японией. 1905). Поэтому восприятие войны читателями происходит через третьи лица – посредством газет и свидетелей с фронта, представляющих информацию и дезинформацию (последняя отмечена в контекстах, описывающих японскую идеологию). По словам В.М. Найдыша, налицо признаки первобытного мифа – «идентификация реальности с содержанием сознания, неразличение объекта и его образа в сознании субъекта» [Найдыш 2022: 25]. Театр – самый продуктивный источник образов для описания войны и военных действий: «Первобытная мифология – это допонятийное мышление образами» [Там же: 20]. Отсюда – актуальность театральной модели войны, которая совершенно не соответствует действительности и лишь отдаленно напоминает реальность. Эта модель отображает иноязычную ментальность, не соответствующую традициям русского языкового сознания.

История формирования когнитивных моделей – вопрос, который требует подробного освещения. Когнитивная модель появляется тогда, когда лингвокультура ассимилировала определенный сценарий события,

объективируемого в языке устойчивым сочетанием. Одним из примеров реализации когнитивной модели может служить заимствованное в русский язык выражение *театр военных действий*. Война через это выражение предстает в виде инокультурного мифа: если в восприятии носителей русского языка война стереотипно связана со страданиями, лишениями, защитой своих границ, то внедренное в русское языковое сознание выражение *театр военных действий* преподносит иное восприятие войны – как театра, в котором есть актеры, действующие по определенному сценарию, и зрители. Война воспринимается зрителями отстраненно – как картина разворачивающихся событий, в которых настоящие кровопролитие и смерть видятся как необходимые атрибуты действий актеров на сцене. Война в таком ракурсе воспринимается сквозь призму гладиаторских боёв на арене Колизея, где по-настоящему сражались и умирали бьющиеся с противником гладиаторы. Отстранённость и идеология – важные компоненты описываемой когнитивной модели: в начале XX в. отмечены контексты, в которых на войну едут художники и скульпторы для зарисовки батальных сцен и «театральных» типажей героев (*Отъезд художников на театр военных действий. На днях уезжают на Дальний Восток несколько скульпторов во главе с А.Г. Тимусом с целью воспроизведения различных типов и сцен.* Телеграммы // «Русь», 02.03.1904).

Обратимся к истории возникновения выражения *театр военных действий*. На пересечении XVIII в. и XIX в. в российском дискурсе появляется выражение *военный театр*, представляющее восприятие войны как театра. Это выражение встречается в контексте, описывающем Ф. Лефорта – немецкого сподвижника Петра I (*Ему тѣмъ было сіе пріятнѣе, что въ ономъ начальствоваль тогда надъ гарнизономъ Генераль Гордонъ, свойственникъ его по женѣ, и что онъ не принужденъ будетъ на великое разстояніе отдаляться отъ театра военнаго...* И. Голиков. Историческое изображение жизни и всѣхъ дѣлъ славнаго женеваца, Франца Яковлевича. 1800). Вариантом ему может быть выражение *театр войны*, появившееся в русской лингвокультуре в 1812 г. (*Нельзя было всех дел предоставлять на распоряжение губернских начальств и поручить одному Князю Кутузову управление всеми губерниями, которые находились близ театра войны или, быв объявлены в военном положении, вышли из общей связи государственного управления.* А. И. Михайловский-Данилевский. Описание Отечественной войны в 1812 г.). Последнее выражение – калька с европейских языков. В английском языке выражение *theater of war* появилось в 1703 г. в значении «место, в котором происходит война или боевые действия» [Merriam-webster.com: интернет-ресурс]

Выражение *театр военных действий* в разных языках Европы звучит так: англ. *theater of operations*; нем. *Schauplatz der Operationen*; нидерл. *theater van operaties*; франц. *théâtre d'opérations*. Для примера современного толкования слов, составляющих это сочетание, возьмем английский язык. Слово *operations* и его эквиваленты в других языках имеют соответствие в русском языке – *операции*. Английское слово *operations* имеет несколько толкований: 1. выполнение практической работы или чего-либо, связанного с практическим применением принципов или процессов; 2. а) проявление власти или влияния; б) качество или состояние функционального или оперативного; в) метод или способ функционирования; 3. процедура, выполняемая на живом теле, обычно с помощью инструментов, специально предназначенная для устранения повреждений или дефектов или восстановления здоровья; 4. любой из различных математических

или логических процессов (например, сложение) получения одного объекта из других в соответствии с правилом; 5. а) обычно военные действия, миссии или маневры, включая их планирование и выполнение; б) офис на линии полета аэродрома, где пилоты оформляют допуск к полетам и где контролируется полет с поля; в) агентство организации, которому поручено выполнение основных плановых и оперативных функций штаб-квартиры и подчиненных ей подразделений; 6. деловая сделка, особенно спекулятивная; 7. один шаг, выполняемый компьютером при выполнении программы; 8. обычно малый бизнес или заведение [Merriam-webster.com: интернет-ресурс].

Английское слово *theatre* переводится следующим образом: 1. обычно малый бизнес или заведение; 2. здание, в котором показывают фильмы; 3. пьесы как развлечение; 4. работа по написанию, продюсированию и игре в пьесах; 5. комната в больнице, используемая для медицинских операций; 6. литературное выражение *theatre (of war/operations)* переводится как «место, в котором происходит война или боевые действия» [Oxford Advanced Learner's Dictionary: интернет-ресурс].

Согласно Национальному корпусу русского языка, впервые выражение *театр военных действий* появляется в произведении Н.Д. Дурново 1812 года (*Его пленение положило бы конец войне, тогда как в настоящее время театр военных действий перенесен в Германию*. Н. Д. Дурново. Дневник. 1812). Контекст касается территории Германии. О влиянии иных лингвокультур на внедрение данного выражения в русский язык указывает тот факт, что все контексты первой половины XIX в., содержащие его, имеют авторов с иностранными фамилиями: А.О. Дюгамель в 1830 г., М.В. Корф в 1838-1852 гг., К.М. Базили 1847 г., Ф.Ф. Торнау в 1869 г. Кроме того, выражение *театр военных действий* упоминается в описаниях войн между иностранными государствами: 1860 г. – война между Англией, Францией и Китаем, середина XIX в. – война на Балканах, конец XIX в. – война в Японии, Турции в 1897 г. и на Кавказе в 1895 г. К середине XIX в. это выражение становится привычным и широко употребляется в политическом дискурсе. Оно встречается у Ф.В. Булгарина в 1846-1849 гг., И.С. Аксакова в 1849–1856 гг., М.И. Богдановича в 1876 г.

Как концептуализируется театр в аспекте изучаемой когнитивной модели? Описание местонахождения на войне происходит через метафору локализации в партере театра (*Но все это такъ спокойно, планомерно, что трудно представить себѣ, что сидишь въ центрѣ театра военных дѣйствій*. Н. Г. Гаринь-Михайловскій. Дневникъ во время войны. 1904). Однако близкое расположение к театру имеет неприятные последствия для дел, связанных с войной, из-за излишнего рвения участников событий (*И чѣмъ ближе къ театру военных дѣйствій, тѣмъ хуже или желѣзнодорожная дѣла, потому что тѣмъ больше было людей, желавшихъ отличиться за ея счетъ*. Н. Г. Гаринь-Михайловскій. Дневникъ во время войны. 1904). В описании войны появляется театральный признак ‘антракт’ (*На театре военных действий затишье*. Вести // «Русь», 04.04.1904).

Театр понимается как изображение неких действий, как реализация определенного сценария войны. Сам сценарий войны прописан согласно стратегии и тактике – учению об успешном ведении военных действий (*Это – тактика, а стратегія обратна: объявляя войну, надо двинуть на театр военных дѣйствій сразу побольше, – тогда и успѣхъ быстрый обеспеченъ и дорогое выйдет на дешевое*. Н. Г. Гаринь-Михайловскій. Дневникъ во время войны. 1904). Военный

сценарий несколько необычен в этот период. Он предполагает описание таких компонентов, как: положение дел на фронте (**Положение на театре военных действий по-прежнему неопределенное**. Война // «Русское слово», 29.12.1904), распространение религиозных книг среди воюющих с обеих сторон (*Иван Акимович Сenumsа приходил сказать, что профессора Семинарии – Ивасава, Сайкаиси и он – хотят выразить патриотизм Семинарии составлением и отпечатанием книжки русско-японских разговоров в пользу войска; отпечатают тысяч десять экземпляров и пожертвуют, чтоб отосланы были на театр военных действий*. архиепископ Николай Японский (Касаткин). Дневник. 1904), наличие/ отсутствие перемен (*На театре военных действий перемен нет*. Вести // «Русское слово», 18.04.1905), труппы (*Поворинскому, желающему за свой страх и риск организовать на театре военных действий консервирование трупп убитых воинов, родные и близкие которых пожелают предать останки земле в Европейской России*. Вести // «Русское слово», 31.08.1904), постановки (*Срок постановки – 2-го августа непосредственно на театр военных действий*. Вести // «Русское слово», 15.07.1904), советы (*Полковник Одеу, пробывший в течение трех месяцев на манчжурском театре военных действий и отозванный союзным советом по требованию русских властей, прочел на днях в цюрихском офицерском собрании лекцию, в которой доказывал, что Россия совершенно не была подготовлена к войне с Японией*. Разные известия // «Русское слово», 30.01.1905), события (*Большинство склонны видеть в нем таинственное знамение относительно будущих событий на театре военных действий*. Вести // «Русский листок», 21.01.1905), переброску войск (*Все это время идет отправка только сибирских войск на театр военных действий*. Н.Г. Гаринь-Михайловский. Дневник во время войны. 1904), пребывание (*Она провела более 14 месяцев в Манчжурии, на театре военных действий, следуя за армиями Куропаткина и Линевица*. Вести // «Новое время», 19.12.1907), сопровождение (*Он сам был на театре военных действий и приехал оттуда, сопровождая партию раненых*. В.Э. Краевский. В Японии. 1905), отправку на фронт (*Но пусть отправляются на театр военных действий*. В.Э. Краевский. В Японии. 1905), возвращение воевавших (*Так и упомяните: сведения эти любезно сообщены штабс-капитаном Рыбниковым, только что вернувшимся с театра военных действий*. А.И. Куприн. Штабс-капитан Рыбников. 1905), известия (*Известия с театра военных действий продолжают быть неблагоприятными*. Вести // «Русское слово», 08.03.1905), освещение событий в средствах массовой информации, в том числе газетах (*Уже несколько месяцев тянется этот гипноз: люди противоположных воззрений, патриоты кнута и борцы революции, разноцветные политики и безцветная обывательская масса, – с различными чувствами, но с одинаковым волнением, – хватаются изо дня в день за газетный лист, приносящий известия с «театра военных действий»*. А. Н. Потресов. Под шум войны. 1904). Среди участников войны были известные лица в государстве (*На этих днях вернулся с театра военных действий и уехал в «Ясную Поляну» третий сын Льва Толстого – Андрей Львович*. Вести // «Русское слово», 08.02.1905). Существовавшие на предшествующем этапе признаки театрального сценария войны: ‘переговоры’, ‘минирование’, ‘возведение переправ и земельные работы’, ‘анализ ситуации на фронте’, ‘использование карт’, ‘наличие штаб-квартиры’, в контекстах называемой *главной квартирой*, ‘размещение военного лагеря’, ‘сообщения командованию’ в контекстах 1904-1905 гг. не обнаружены.

Структура концепта *война* тоже включает сценарий. В этот сценарий входит несколько компонентов, среди которых: *войска* (*Все это время идет отправка только сибирских войск на театр военных действий...* Н.Г. Гаринь-Михайловский. Дневник во время войны. 1904), *армия* (*Турецкая война показала, как невыгодно не выбрасывать на театр военных действий сразу большія арміи.* Н.Г. Гаринь-Михайловский. Дневник во время войны. 1904), представленные *воинами-защитниками*, которые в результате войны получают раны и увечья (*Петербург, 25, I. Вчера Государь Император с Государынями Императрицами Марией Федоровной и Александрой Федоровной осчастливили посещением доставленных с театра военных действий доблестных защитников – раненых и увечных воинов, находящихся на излечении в лазарете Ее Величества.* Вести // «Русское слово», 08.02.1905), высшее командование, военный совет, офицерское собрание (*Полковник Одеу, пробывший в течение трех месяцев на манчжурском театре военных действий и отозванный союзным советом по требованию русских властей, прочел на днях в цюрихском офицерском собрании лекцию, в которой доказывал, что Россия совершенно не была подготовлена к войне с Японией.* Разные известия // «Русское слово», 30.01.1905), мобилизация (*Будет ли он послан на театр военных действий – Собинов еще не знает.* Вести // «Русское слово», 04.07.1905), *путь* (*Н.Д. Оболенский, командированный по высочайшему повелению для ознакомления на местах с делом эвакуации больных и раненых воинов как в Москве, так и по всему пути до театра военных действий.* Московская жизнь // «Московский листок», 30.12.1904), *враг* (*Нашъ противникъ, обслѣдовавъ все это основательно, взвѣсилъ, сколько силы мы можемъ доставить на театр военных действий, сколько потребуется на это времени и, принимая во вниманіе всѣ слабыя стороны нашего одряхлѣвшаго строя, убѣдился, что онъ имѣетъ много шансовъ на выигрышъ; имѣя за собой не одинъ «авось», а серьезный расчетъ онъ рѣшилъ поставить на карту все, что имѣлъ; онъ рѣшилъ поставить карту «на банкъ».* П.Н. Ларенко. Страдные дни Порт-Артура. 1906). Описание действий врага своеобразно, а несколько театрально. Освещение событий происходит в метафорах игры в карты (*выигрыш, расчет, поставит на карту, поставит карту на банк*). Актуальные признаки концепта *война* в предыдущий период XIX в.: ‘гвардия’, ‘ценз на возраст призывников’, ‘сражения’, ‘поражения’, ‘переговоры’, ‘перемещения военных сил’, ‘разгром противника’, ‘пленение войск противника’, ‘захват столицы вражеского государства’ в контекстах 1904-1905 гг. не выявлены.

Что такое *театр военных действий* в 1904–1905 гг.? Обычно речь идет об определенной местности, где происходят военные действия. Это конкретные локусы: Дальний Восток – Маньчжурия (*Нижние воинские чины, пострадавшие на театре военных действий в Манчжурии, и находящиеся ныне в Мариинском приюте для ампутированных и увечных воинов, 12 января были вызваны в Собственный Его Величества дворец, для представления их в полном снабжении теми протезами, которые они получили в приюте взамен отсутствующих конечностей.* По телефону // «Московский листок», 31.01.1902), Порт-Артур (*Телеграммы с театра военных действий Порт-Артура.* Телеграммы // «Новости дня», 11.02.1904), Восточная Сибирь – район Прибайкалья (*Со мной вместе ехал Соловьев, который вчера только надел казачью форму 2-го Верх-Удинского полка и отправлялся на Восток к театру военных действий.* В.А. Теляковский. Дневники Директора Императорских театров. 1904). В.О. Ключевский, писавший

историю государства, упоминает переброску армии на большие расстояния (*Наскоро собираемые полки быстро таяли в боях, от голода, болезней, массовых побегов, ускоренных передвижений на огромных расстояниях – от Невы до Полтавы, от Азова и Астрахани до Риги, Калиша и Висмара, а между тем расширение театра военных действий требовало усиления численного состава армии.* В.О. Ключевский. Русская история. 1904). Сам фронт военных действий имеет большую протяженность. Он может распространяться, приближаясь к крупным городам, в том числе на вражеской территории (*В Нагасаки все дышит близостью театра военных действий.* В. Э. Краевский. В Японии. 1905). По окончании войны армия распускается, а воины становятся запасными (*Говорят о крупных беспорядках среди запасных, возвращающихся с театра военных действий на родину.* Вести // «Русское слово», 27.01.1906). Когнитивная модель *театр военных действий* в XIX в., включавшая признаки: ‘западные границы’, ‘стратегически важный южный берег’, ‘юг’, ‘определенный регион’, например: ‘Европа’, в изучаемый период эти признаки не показывает.

Языковые факты указывают на амбивалентность описываемых событий, сопровождающих описание когнитивной модели *театр военных действий*. Двойственность прослеживается в подаче информации о субъектах действия. Если действующее лицо – отечественные войска, то ее в русской прессе и донесениях с фронта именуют *армией*. Военные соединения противника называются *шайкой хунхузов* (*На театре военных действий перемен нет. По словам лиц, только что вернувшихся из Монголии, в частях ее, прилежащих к Ляохе, присутствия японцев не замечается, но всюду встречаются шайки хунхузов, с которыми приходится иметь частые перестрелки.* Вести // «Русское слово», 18.04.1905). Неоднозначность оценок в театре военных действий указывает на идеологическую подоплеку подаваемой информации.

Отмечены инновации, формирующие миф о далёкой и неочевидной для жителей центральной части России войне: мы видим новый миф, «охватывающий мировоззрение во всей совокупности природных, культурных, человеческих измерений и формирующий т. н. мифологическую картину мира» [Ставицкий 2022: 61]. В начале XX в. (1904-1905 гг.) появляются новые компоненты сценария войны:

1. В начале XX в. чрезвычайно важна идеологическая составляющая изучаемой когнитивной модели. В первую очередь, активизировался патриотизм как особая идеологема нового времени (*Он становится на маленькую скамеечку, которую носит с собой, и произносит патристическую речь, но поводу последних известий с театра военных действий.* В.Э. Краевский. В Японии. 1905).

2. Появляется новая идеология как способ моральное разложение противника, формирующий новые смыслы у мирного населения путём дезинформации (*Японцы в Пекине ежедневно распространяют бесплатно среди туземного населения печатные бюллетени, содержащие вымышленные известия об успехах японского оружия на театре военных действий.* Вести // «Русь», 23.02.1904).

3. Возникает медицинская компонента сценария. Для лечения раненых на войне необходимы врачи (*Известный писатель В. Вересаев на днях уезжает на театр военных действий в качестве врача.* Вести // «Русское слово», 04.07.1904) и сёстры милосердия (*Вчера утром, с сибирским поездом «экспресс» Московско-Курской жел. дороги, прибыла с театра военных действий героиня – сестра милосердия г-жа Яковенко-Яковлева, тяжело раненая в ногу во время исполнения*

ею святых обязанностей сестры милосердия, при оказании помощи раненым под огнем японских снарядов. *Московская жизнь* // «Московский листок», 26.12.1904). В помощь медицинским работникам на фронт отправлялось военное оборудование (*Посланный городом на театр военных действий рентгеновский кабинет по дороге пропал*. Известия // «Русское слово», 19.01.1905). В контекстах XIX в. в описаниях театра военных действий компоненты «врач», «сестра милосердия», «медицинское оборудование» отсутствуют.

4. В этот же период появляется компонент «шпион»: человек, собирающий сведения для врага (*Японской армии служат, как сообщает корреспондент «Neue Freie Presse», многие тысячи шпионов, рассеянные и поблизости и на значительном расстоянии от театра военных действий*. Телеграммы // «Русь», 12.06.1904).

5. Мирное население стало привлекаться в качестве действующих лиц на войне: отмечен новый компонент «партизан» (*Проникшее в газеты известие о сформировании отряда горцев для партизанской войны на театре военных действий получило осуществление...* Вести // «Русь», 16.03.1904).

6. Для освещения событий на фронте работали корреспонденты (*Вчера в колонном зале «Эрмитажа» чествовали многолюдным банкетом недавно вернувшегося с театра военных действий (корреспондента «Русского Слова») Василия Ивановича Немировича-Данченко*. Разные известия // «Новости дня», 19.02.1905).

7. Война – это источник зарабатывания денег для бирж и банков. Война проводится за счет кредитов и банковского курса (*Иностранные биржи, по видимому, даже уверены, что другого исхода быть не может: это доказывает курс кредитного рубля, не испытавший вчера того понижения, которое можно было бы ожидать при настоящей остановке на театре военных действий*. Вести // «Московский листок», 01.06.1905).

Социальные перемены в обществе, изменение локуса военных действий, развитие науки и техники приводит к расширению когнитивной модели *театр военных действий* в русской лингвокультуре. Появляются новые стратегии и тактики манипуляции общественным сознанием, которые показывают на усилении роли идеологии в сценарии войны.

Идеология стала играть заметную роль в описании театра военных действий. Вариативность этого компонента чрезвычайно насыщена: ‘героизм’ (*Судя по последним известиям с театра военных действий, в сражении у Цзинь-Чжоу обе стороны обнаружили беспримерный героизм*. Вести // «Русь», 29.05.1904), ‘религия’ (*Jefferys говорил еще, что собирается проситься на театр военных действий, чтоб проповедывать христианство японскому войску, о чем, по его словам, тоже «считал (почему-то) нужным предупредить меня»*. архиепископ Николай Японский (Касаткин). Дневник. 1904).

Заключение (Conclusions)

Сценарий, заложенный в когнитивной модели *театр военных действий*, имеет определенный набор когнитивных признаков:

1. Событие – война;
2. Время – начало XX вв. (1904-1905 гг.);
3. Пространство – Маньчжурия, Порт-Артур, Восточная Сибирь;
4. Субъект – высшее командование, войска, армия, воины-защитники, военный совет, офицерское собрание, враг;

5. Объект – враг;

6. Действие – переброска военных сил, сопровождение, отправка солдат на фронт, возвращение воевавших, военные советы, события, пребывание, известия, освещенные события на фронте;

7. Статика (отсутствие действия) – положение дел на фронте, наличие/отсутствие перемен.

8. Активизация церкви – распространение книг среди воюющих сторон. Интересно, что такие пункты сценария, как «причина возникновения», «цель войны», «условия войны», в период 1904–1905 гг. не упоминаются в исследованных контекстах. В этот период не актуальны такие когнитивные признаки концепта *война*, как ‘гвардия’, ‘сражения’, ‘поражения’, ‘переговоры’, ‘разгром противника’, ‘пленение войск противника’, ‘минирование’, ‘возведение переправ и земельные работы’, ‘захват столицы вражеского государства’, актуальные в предшествующий период XIX в.

Пункты 2 и 3 этого сценария могут объединяться и называться топос. В аспекте когнитивной модели *театр военных действий* топос формируется определенной локацией в 1904–1905 гг. – Дальний Восток.

Литература

Бодриков А.Б. Лингвокультурологическое исследование концепта *воин* в аудитории военного технического вуза // Учёные записки Забайкальского государственного университета. Серия «Педагогические науки». 2018. Т. 13. № 2. С. 38–43.

Демидова Е.Е., Бодриков А.Б. Способы экспликации когнитивных моделей «власть – армия» и «власть армии» в русской лингвокультуре // Вестник Череповецкого государственного университета. 2022. № 1 (106). С. 90–99. <https://doi.org/10.23859/1994-0637-2022-1-106-7>.

Колесов В.В. Ментальные характеристики русского слова в языке и философской интуиции // Языки и этнический менталитет. Петрозаводск: Издательство ПГУ, 1995. С. 13–24.

Колесов В.В. «Жизнь происходит от слова...». Санкт-Петербург: Златоуст, 1999. 368 с.

Колесов В.В. Древняя Русь: наследие в слове. Добро и зло. Санкт-Петербург: Филологический факультет СПбГУ, 2001. 304 с.

Лучик М. Концептуальная, языковая и поэтическая картины мира: общечеловеческое, национальное и индивидуальное // Гуманитарный вектор. 2019. № 5. Т. 14. С. 8–15.

Найдыш В.М. Археология мифа (Мифотворчество в его историческом развитии) // Мифологос. Серия «Философия мифа: онтология, аксиология, методология». №1. 2022. С. 13–31.

Пименов Е.А. Социальные концепты *богатство* и *бедность* // Новое в славянской филологии: сборник научных статей; отв. ред. М.В. Пименова. Севастополь: Рибэст, 2009. С. 56–62. (Серия «Славянский мир». Вып. 4).

Пименова М.В. Концепты внутреннего мира (русско-английские соответствия): дис. ... докт. филол. наук. Санкт-Петербург, 2001. 497 с.

Пименова М.В. Концептуализация *чувства* в русской языковой картине мира // Мир человека и мир языка. Кемерово: Комплекс «Графика», 2003. С. 58-120 (Серия «Концептуальные исследования». Вып. 2).

Пименова М.В. Сценарий как один из способов описания концепта (на примере концепта *радость*) // Новое в славянской филологии: сборник научных статей; отв. ред. М.В. Пименова. Севастополь: Рибэст, 2009. С. 68-80. (Серия «Славянский мир». Вып. 4).

Пименова М.В., Бодриков А.Б. Русская языковая картина мира в аспекте символов воинской славы // Гуманитарный вектор. 2019а. № 5. Т. 14. С. 16-21.

Пименова М.В., Бодриков А.Б. Милитарные концепты в русской языковой картине мира (на примере концепта *воин*) // Вестник Кемеровского государственного университета. 2019б. Т. 21. № 4. С. 1131-1138. DOI: 10.21603/2078-8975-2019-21-4-1131-1138.

Сергеев С.А. Построение сценария как метод исследования концептов внутреннего мира // Новое в когнитивной лингвистике: Материалы I Международной научной конференции (Кемерово, 29–31 августа 2006 г.) / Отв. ред. М.В. Пименова. Кемерово, 2006. С. 905–911. (Серия «Концептуальные исследования». Вып. 8).

Ставицкий А.В. Миф и его основные функции в свете общей теории мифа // Мифологос. Серия «Человек мифический: антропология, психология, когнитивные исследования», № 2, 2022. С. 55–71.

Bartmiński J. Językowe podstawy obrazu świata. Lublin, 2012. 120 s.

Davidson D. On the Very Idea of a Conceptual Scheme // Proceedings and Addresses of the American Philosophical Association. 1973 – 1974. Vol. 47. Pp. 5–20.

Operation // Merriam-webster.com. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.merriam-webster.com/dictionary/operation>. (дата обращения: 16.06.2022).

Theatre // Oxford Advanced Learner's Dictionary [Электронный ресурс]. URL: <https://www.oxfordlearnersdictionaries.com/definition/english/theatre>. (дата обращения: 16.06.2022).

Theater of war // Merriam-webster.com. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.merriam-webster.com/dictionary/theater%20of%20war>. (дата обращения: 16.06.2022).

Wierzbicka A. Słowa i kultury. Różne słowa – różne sposoby myślenia? Model kultury a słownictwo języka // Słowa klucze. Różne języki – różne kultury. Warszawa, 2007. S. 16–34.

References

Bodrikov A.B. Linguistic and Cultural Study of the Concept of a Warrior in the Audience of a Military Technical University // Uchenye zapiski Zabayskogo gosudarstvennogo universiteta. Series "Pedagogical Sciences". 2018. Т. 13. № 2. Pp. 38–43. (In Russian).

Demidova E.E., Bodrikov A.B. Ways of Explication of Cognitive Models "Power - Army" and "Power of the Army" in Russian Linguoculture // Bulletin of the Cherepovets State University. 2022. № 1 (106). Pp. 90–99. <https://doi.org/10.23859/1994-0637-2022-1-106-7>. (In Russian).

Kolesov V.V. Mental Characteristics of the Russian Word in Language and Philosophical Intuition // Languages and Ethnic Mentality. Petrozavodsk: Izdatel'stvo PGU Publ., 1995. Pp. 13–24. (In Russian).

Kolesov V.V. "Life Comes from the Word ...". Sankt-Peterburg: Zlatoust Publ., 1999. 368 p. (In Russian).

Kolesov V.V. Ancient Russia: Heritage in the Word. Good and Evil. Sankt-Peterburg: Filologicheskij fakul'tet SPbGU Publ., 2001. 304 p. (In Russian).

Luchik M. Conceptual, Linguistic and Poetic Pictures of the World: Universal, National and individual // Humanitarian Vector. 2019. № 5. Т. 14. Pp. 8–15. (In Russian).

Najdysh V.M. Archaeology of Myth (Myth-making in its Historical Development) // Mythology. Series "Philosophy of Myth: Ontology, Axiology, Methodology". 2022. №1. Pp. 13–31. (In Russian).

Pimenov E.A. Social Concepts of *Wealth* and *Poverty* // New in Slavic Philology: Collection of Scientific Articles; otv. red. M. V. Pimenova. Sevastopol': Ribest, 2009. Pp. 56–62. (Seriya «Slavyanskij mir». Vyp. 4). (In Russian).

Pimenova M.V. Concepts of the Inner World (Russian-English Correspondences: dis. ... dokt. filol. nauk): thesis]. Sankt-Peterburg, 2001. 497 p. (In Russian).

Pimenova M.V. Conceptualization of Feeling in the Russian Language Picture of the World // The World of Man and the World of Language. Kemerovo: Kompleks «Grafika» Publ., 2003. Pp. 58–120. (In Russian).

Pimenova M.V. Scenario as One of the Ways to Describe the Concept (Using the Concept of Joy as an Example) // New in Slavic Philology: Collection of Scientific Articles; otv. red. M.V. Pimenova. Sevastopol': Ribest, 2009. Pp. 68–80. (Seriya «Slavyanskij mir». Vyp. 4). (In Russian).

Pimenova M.V., Bodrikov A.B. Russian Language Picture of the World in Terms of Symbols of Military Glory // Humanitarian Vector. 2019a. № 5. Т. 14. Pp. 16–21. (In Russian).

Pimenova M. V., Bodrikov A. B. Military Concepts in the Russian language Picture of the World (on the Example of the Concept Warrior) // Bulletin of the Kemerovo State University. 2019b. Т. 21. № 4. Pp. 1131–1138. DOI: 10.21603/2078-8975-2019-21-4-1131-1138. (In Russian).

Sergeev S. A. Scenario Building as a Method for Studying the Concepts of the Inner World // New in Cognitive Linguistics: Proceedings of the I International Scientific Conference (Kemerovo, August 29–31, 2006). Kemerovo, 2006. Pp. 905–911. (Series "Conceptual Research". Issue 8). (In Russian).

Stavitsky A.V. Myth and Its Main Functions in the Light of the General Theory of Myth // Mythologos. The Mythic Man: Anthropology, Psychology, Cognitive Studies Series. 2022, № 2. Pp. 55–71. (In Russian).

Bartmiński J. Językowe podstawy obrazu świata. Lublin, 2012. 120 p. (In Polish)

Davidson D. On the Very Idea of a Conceptual Scheme // Proceedings and Addresses of the American Philosophical Association. 1973 – 1974. Vol. 47, P. 5-20. (In English)

Operation // Merriam-webster.com. [Electronic resource]. URL: <https://www.merriam-webster.com/dictionary/operation>. (date of access: 16.06.2022).

Theater // Oxford Advanced Learner's Dictionary [Electronic resource]. URL: <https://www.oxfordlearnersdictionaries.com/definition/english/theatre>. (date of access: 16.06.2022).

Theater of war // Merriam-webster.com. [Electronic resource]. URL: <https://www.merriam-webster.com/dictionary/theater%20of%20war>. (date of access: 16.06.2022).

Wierzbicka A. Słowa i kultury. Różne słowa – różne sposoby myślenia? Model kultury a słownictwo języka // *Słowa klucze. Różne języki – różne kultury.* Warszawa, 2007. Pp. 16–34.

Сведения об авторах:

Пименова Марина Владимировна

Ректор АНО ВО «Международный гуманитарный университет им. П.П. Семенова – Тян-Шанского», доктор филологических наук, профессор (г. Санкт-Петербург, Россия).

E-mail: MVPimenova@yandex.ru

Orcid: <https://orcid.org/0000-0001-5918-974X>

Бодриков Алексей Борисович

преподаватель, АНО ВО «Международный гуманитарный университет им. П.П. Семенова – Тян-Шанского», кандидат филологических наук (г. Санкт-Петербург, Россия). bodrik1987@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7905-384X>,

Bionotes:

Pimenova Marina Vladimirovna

Rector, Semenov – Tyan-Shansky International Humanitarian University, Doctor of Philology, Professor (St. Petersburg, Russia).

Bodrikov Alexey Borisovich

Lecturer, Semenov – Tyan-Shansky International Humanitarian University, Candidate of Philology (St. Petersburg, Russia).

Для цитирования:

Пименова М.В., Бодриков А.Б. Война как миф: когнитивная модель «театр военных действий» (на примере периода русско-японской войны) // МИФОЛОГОС. Серия «Миф и общество: история, политика, социология». № 4 (8), 2023. С. 85–98.

For citation:

Pimenova M.V., Bodrikov A.B. War as a Myth: Cognitive Model "Theatre of Military Operations" (on the Example of the Period of the Russian-Japanese War) // MYTHOLOGOS. Series "Myth and Society: History, Politics, Sociology". № 4 (8), 2023. Pp. 85–98.